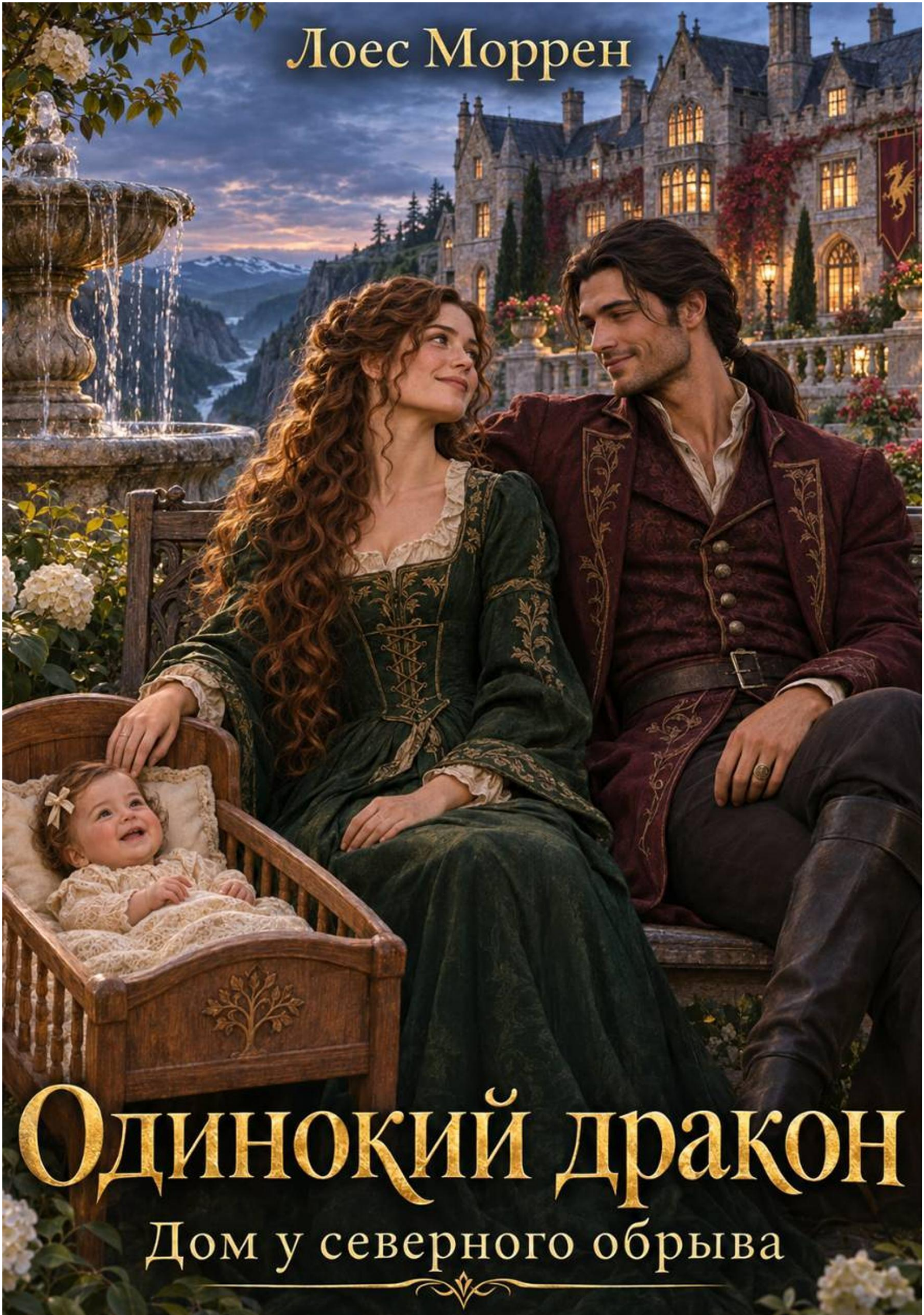

Лоес Моррен
Одинокий дракон
Дом у северного обрыва

Лоес Моррен

Одинокий дракон. Дом у северного обрыва

«Автор»
2026

Моррен Л.

Одинокий дракон. Дом у северного обрыва / Л. Моррен — «Автор», 2026

В ту ночь, когда муж решил отдать нашу дочь в чужую семью, я завернула Мэйзи в вязаный платок и сбежала. Я надеялась добраться до сестры на севере, но сбилась с дороги и укрылась в амбаре у самого обрыва.Хозяин поместья, лорд Адриан Торнфилд, предложил мне работу на кухне. Я собиралась заработать на дорогу и уехать. Но с каждым вечером мне всё сильнее хотелось задержаться в саду, где Адриан ждал меня с двумя чашками чая. А когда настало время уезжать, мне предстояло решить, хочу ли я вообще покидать дом у северного обрыва.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Одинокий дракон. Дом у северного обрыва

Глава 1

В последний вечер, когда Мэйзи ещё спала в своей колыбели, я услышала, как управляющий велел вымыть экипаж изнутри. Он стоял на лестнице под моей комнатой и говорил с конюшим негромко, потому что в доме уже погасили половину ламп. Я открыла дверь на ширину пальца, и сквозняк шевельнул волоски у меня на затылке.

— К рассвету чтобы был у крыльца, — сказал управляющий. — Положи на сиденье овчину и попроси на кухне две грелки. У лорда Эллиота дорога к дому идёт вдоль реки, там по утрам сырость.

— А кого везём-то? — спросил конюший. Управляющий помедлил, и в этой короткой тишине я успела представить, как закрывается каретная дверца. Потом он ответил, что повезут маленькую госпожу, и велел обойтись без разговоров при кучере.

За обедом Дамиан назвал Эллиотов так буднично, словно говорил о соседях, у которых мы собирались провести воскресенье. Леди Эллиот давно хотела ребёнка, объяснил он, и в её доме Мэйзи получит хорошее воспитание. Когда я спросила, когда мне позволят её увидеть, муж отложил нож и подождал, пока слуга уберёт со стола тарелки.

— Первые месяцы ей будет легче без твоих посещений, — сказал он. — Представь, каково ребёнку всякий раз привыкать к новым рукам. Эвелин, ты ведь хочешь, чтобы ей было хорошо?

Я тогда ответила, что ей хорошо со мной, и потянулась за кошельком, лежавшим возле моей тарелки. Дамиан накрыл его ладонью раньше, чем я успела коснуться завязок. До вечера я убеждала себя, что увезти её так быстро они не успеют, потому что леди Эллиот придётся найти кормилицу, приготовить комнату и хотя бы подумать, куда поставить кроватку.

Теперь кроватку могли хоть к утру выбросить во двор. Я прикрыла дверь и опустилась на колени возле колыбели, где Мэйзи спала на боку, подогнув ноги. Из-под рукава виднелась складка у запястья, такая глубокая, что после купания мне всегда приходилось промокать её уголком полотенца.

— Сейчас я тебя подниму, — прошептала я. — Ты можешь сердиться сколько угодно, только начни, пожалуйста, чуть попозже. Я постараюсь управиться быстро.

Первым движением я выдвинула ящик и увидела пустое место, где держала деньги на случай болезни Мэйзи. Дамиан забрал и их, пока я гуляла с дочерью во внутреннем дворе. Я положила в карман кусок вчерашнего хлеба, сунула туда же синюю деревянную бутылочку с молоком и достала из сундука вязаный платок, который прислала Клара.

Платок был широкий и тянулся под тяжестью Мэйзи, так что я пропустила концы крестом у себя за спиной и дважды затянула узел. Дочь приоткрыла глаза, ткнулась носом в мою шею и с тихим недовольством подтянула колено. Я постояла, покачиваясь с пятки на носок, пока её пальцы не разжались у меня на вороте.

Из комнаты можно было выйти по лестнице для слуг, если придержать дверь на нижней площадке, чтобы язычок замка не щёлкнул. Когда-то я ходила этой дорогой на кухню и знала, где за поворотом нависает полка с чистыми салфетками. В ту ночь я опустила голову заранее и ухитрилась зацепиться за её угол волосами, потому что впервые шла здесь с ребёнком, привязанным к груди.

У конюшни двое стражников держали фонари над экипажем, а конюший лазил под осью и просил их посветить пониже. Ключи от дворовых дверей висели в нише под навесом, рядом

с кожаным фартуком конюшего. Я нащупала бородку с обломанным зубцом, просунула ноготь под тугое кольцо и услышала, как прямо за углом кто-то сплюнул.

— Ты и там будешь лезть под колёса, если что-нибудь застучит? — спросил один стражник. Второй подался вперёд с фонарём, и свет пополз по стене в мою сторону. В последнюю секунду конюший окликнул его из-под экипажа, попросив придержать ось, и круг света соскользнул к земле.

Я стащила ключ с кольца и зажала его в кулаке. За мешками с углём у ограды была служебная калитка, через которую зольщик забирал полные корзины. Я повернула ключ, приподняла створку, чтобы не взвизгнули петли, и протиснулась боком в переулок, прижимая ладонь к затылку Мэйзи.

В переулке пахло золой, и с соседней крыши мне за ворот капала талая вода. До северных ворот я могла дойти по улице фонарщиков, но там люди Дамиана знали меня в лицо. Я пошла вдоль водостока, потом пересекла рынок под полотняными навесами, задевая плечом свёрнутые к ночи верёвки.

В детстве мы с Кларой умели по звуку отличать пустую ночную телегу от гружёной. Когда отец задерживался, сестра тащила меня из постели, и мы гадали, кого принесло к нам на постоялый двор и сколько человек сейчас потребуют ужин. На рынке я услышала такой же гул пустых колёс и на миг с тоской подумала о нашей старой кухне, где после полуночи всегда оставалась миска теста для утренних булок.

Клара перебралась в Бреймор ещё до моей свадьбы и звала меня посмотреть её новый двор. В последнем письме она сообщила, что у очага помещаются два кресла, хотя она сидит только в одном, а второе занято кошкой, которая худеет исключительно во сне. Адрес я знала наизусть, но теперь мне предстояло добраться до него без денег и с Мэйзи, которая уже начала просыпаться от моего торопливого шага.

У северных ворот ещё работал фонарь. Створки были сомкнуты, а возле низкой двери для пеших сидел сторож в овчинной шапке и чинил ремешок от сапога. Я хотела подождать, пока он уйдёт в будку, но он поднял голову, услышав, как скрипнул лёд под моей подошвой.

— За ворота? — спросил он и пригляделся к платку. — Вы, что ли, кормилица, за которой из предместья посылали? Тут с полчаса назад парень такой беспокойный ходил, всё спрашивал, до которого часа мы выпускаем.

Я понятия не имела, о каком парне речь и в какой дом меня якобы ждали. Зато Нора Белл, принимавшая Мэйзи, жила в городе и ходила к роженицам за стену даже в ночи, когда в предместье заметало тропы. Я произнесла её имя с той досадой, с какой на постоялом дворе называла опоздавшего поставщика, пока сама ещё не знала, привезёт ли он муку.

— Нора Белл послала сказать, чтобы я шла сразу, — ответила я. — Мы с тем парнем, должно быть, разминулись на рынке. Если он вернётся, передайте ему, что я выбралась и второй раз через весь город меня искать незачем.

Сторож опустил глаза на платок, под которым Мэйзи потёрлась щекой о мою грудь. Я уже приготовилась объяснить, почему кормилица несёт с собой собственного ребёнка, когда он присел, поднял с земли ремешок и пропустил конец через пряжку. Мне захотелось выхватить у него эту проклятую пряжку и застегнуть самой.

— У моей невестки первенец родился осенью, так я тоже за Норой бегал, — сказал он, наконец поднимаясь. — И ведь дошёл, хотя по дороге дважды вернулся посмотреть, запер ли дверь. Подержите ребёнку голову, под перемычкой надо нагнуться, а обратно после рассвета приходите, мне к тому времени сменят фонарь и караул.

Он отодвинул засов, и я прошла в низкий проём, накрыв Мэйзи ладонью. Снаружи у стены стояла скамья для тех, кто приходил до открытия ворот и ждал, пока впустят телеги. Я села на самый край, вгляделась в узкое окно караульни и прислушалась, не окликнет ли меня сторож.

За стеной он кашлянул, и больше ничего слышно не было. Мэйзи нашла ртом шов на моём платье и попыталась сосать его сквозь ткань. Я вынула бутылочку, зубами стянула чехол с рожка и поднесла его к её губам, придерживая бутылочку на весу, чтобы молоко не текло слишком быстро.

— Пей, сколько захочешь, — сказала я, когда она на секунду оторвалась и недоверчиво посмотрела на меня. — Я знаю, что дома у нас есть подушка и ты на ней всегда устраиваешься поудобнее. Придётся пока обойтись моим локтем, он, кажется, начинает понимать, чего от него хотят.

Она снова взялась за рожок и дважды хлопнула ладонью по моим пальцам, будто я нарочно мешала ей держать бутылочку самой. Когда Мэйзи наелась, я заткнула бутылочку, сунула её в карман и вытерла дочери подбородок краем платка. Потом поднялась и пошла вдоль стены до развилки, где северный тракт отделялся от дороги к предместью.

Я свернула туда, куда когда-то уехала Клара, и ещё долго слышала позади редкое потрескивание городских фонарей на ветру. Дорога понемногу расширилась, и по её краям вместо изгородей стали попадаться голые деревья. Я прибавила шагу, пока могла различать белёсую полосу тракта и Мэйзи снова спала.

Первые удары копыт я приняла за собственные шаги, потому что слышала их, только когда опускала ногу. Я остановилась возле придорожного вяза, и стук продолжился. Позади, между стволами на повороте, качнулся один огонь, потом рядом с ним показался второй.

На обочине стоял воз с дровами, у которого отлетело колесо, и возница копался у ступицы, заслоняя локтем фонарь. Если бы я дошла до него, то могла бы попросить укрыть нас между поленьями и подождать, пока всадники проедут. Я уже направилась к нему, когда над трактом раздался голос, достаточно громкий, чтобы его расслышали даже за поворотом.

— Каждую повозку проверяйте, хоть бы она с навозом шла! — крикнул человек с факелом. Возница выпрямился и вытер руки о штаны, а я шагнула обратно под вяз. Тот же голос велел начинать с тех, кто едет на север, и добавил, что женщины тоже должны слезать с телег.

Слов про ребёнка я не разобрала. Мне хватило того, как человек на коне обращался к своим, будто их было столько, что можно разослать по всем дорогам сразу. Я перебралась через канаву, обхватила Мэйзи обеими руками и шагнула в просвет между двумя елями.

Под ветками оказалось темнее, чем я думала, и я почти сразу ступила в воду. Шерстяной чулок намок до щиколотки, пальцы в башмаке сжались от холода. Я хотела остановиться и отжать подол, но на тракте за моей спиной всадник потребовал, чтобы возница отставил фонарь и показал, что у него под дровами.

Чем дальше я уходила, тем труднее было ставить ноги тихо. Сухие сучья ломались там, где я принимала их за мягкую хвою, а жёсткие ветки тянули за юбку, будто кто-то шёл следом, придерживая её пальцами. Мэйзи заворочалась и тихонько застонала, и я, сама едва переводя дыхание, принялась напевать ей песенку про гуся, которого Клара в детстве боялась больше, чем грозы.

На третьей строчке ветка подхватила край платка и дёрнула так резко, что Мэйзи сползла у меня под локоть. Я обеими руками подхватила её, придавила к себе и подалась назад, к ветке, чтобы ослабить натяжение. В этот момент что-то глухо стукнуло у моей ноги, и я решила, что отломился сучок.

Мэйзи успела вдохнуть для крика, и я прижала губы к её виску. Она обиженно хныкнула мне в шею, а я выдернула шерсть из ветки, не заботясь о том, что там теперь будет дыра. Подтянув узел, я пошла дальше, обходя заросли, даже когда из-за этого приходилось возвращаться по своим следам.

Спустя какое-то время я остановилась и поняла, что больше не слышу тракта. Поначалу я обрадовалась, а потом мне захотелось снова услышать хотя бы возницу, чтобы знать, где дорога.

Я подняла голову в надежде увидеть между ветками звёзды, но кроны сдвинулись над нами так плотно, что светлел только один клочок неба, и я не могла понять, впереди он или сбоку.

— Тётя Клара всегда говорила, что в лесу я и по грибы ухожу с видом человека, который потерял королевство, — прошептала я Мэйзи. Она засунула большой палец в рот и сопела так деловито, словно искала выход вместе со мной. — Пока что я потеряла одну дорогу, и мне бы очень пригодилась любая другая.

Тогда я ещё попробовала идти под уклон, рассудив, что внизу найду ручей и вдоль него куда-нибудь выйду. Вместо ручья под ногами зачавкала глина, а кусты поредели. Я нащупала носком твёрдый выступ и едва не упала, когда подошва скользнула по его гладкому краю.

Под ладонью, которой я упёрлась в землю, прошла ровная борозда с острым краем. Я ощупала её, переступила через бугор и нашла рядом вторую, точно такую же. В углублении блестела вода, а на гребне между колеями лежала свежая щепка, раздавленная колесом.

Я простояла над колеями, решая, в какую сторону пойти, пока Мэйзи не вздрогнула во сне. У одной кромки дороги земля была изрыта глубже, и я вспомнила, как кучера у нашего двора всегда подгоняли лошадей на подъёме. Я двинулась туда, где колеи шли вверх, к редким деревьям, и на этот раз старалась держаться середины дороги, даже когда ветер усилился.

На подъёме дорога пошла между каменных столбов, оставшихся от старых ворот. Я приняла их за начало деревни и принялась искать взглядом крышу первого дома, дым или хотя бы стоящую у порога лохань. За столбами показался один большой дом, и я шла к нему ещё с четверть часа, прежде чем смогла отличить окна от тёмных пятен на стене.

Здание стояло у самого края длинного холма. Справа виднелись крыши хозяйственных построек, слева начинался сад, за которым земля внезапно обрывалась. Из-за деревьев доносился низкий, ровный шум, и лишь подойдя ближе, я поняла, что слышу ветер в ущелье, а где-то глубже под ним — воду.

В доме было темно от нижних окон до самых слуховых, даже фонарь на столбе у подъезда не горел. Возможно, хозяева уехали на зиму и оставили кого-нибудь присматривать за печами, как делали в богатых домах под городом. Я обошла крыльцо, отыскала служебную дверь под навесом и постучала костяшками, у которых от холода почти пропала чувствительность.

— Простите, что так поздно, — позвала я и поймала себя на том, что говорю едва громче, чем в собственной спальне. — Я сбилась с дороги, со мной маленькая дочь. Если здесь кто-нибудь есть, откройте, пожалуйста.

За дверью было тихо. Под навесом, куда не доставала морось, стояли два полных ведра, и у одного блестел свежий подтёк на боку. Я прислушалась ещё немного, постучала второй раз и подумала, что человек, который наполнил вёдра, мог лечь спать в другом конце дома.

У Дамиана при поздних стуках управляющий сперва поднимался к окну над входом, чтобы посмотреть, кто пришёл. Однажды там всю ночь прождала женщина, у которой сын подвернул ногу возле нашей стены, потому что слуге было приказано не беспокоить хозяина. Когда утром я нашла её и принесла бинты, Дамиан сказал, что в другой раз она придёт с больной ногой, а уйдёт с моими серьгами.

Я отошла от двери и поправила платок, чтобы ветер не задувал Мэйзи под подбородок. Складки на нём потяжелели от сырости, а на моих юбках успела схватиться ледяная корка, которая хрустела при каждом шаге. Дочь дышала мне в шею, и этого маленького тёплого пятна хватило, чтобы я перестала думать о том, сколько ещё домов стоит на дороге впереди.

В ближайшей постройке была широкая дверь, приоткрытая на ладонь. Я толкнула её плечом и услышала, как по утоптанной земле прошуршала солома. Изнутри пахнуло сухой травой и яблоками, хотя яблок я не увидела, а тьма в амбаре стояла такая густая, что дверь за собой я нашла только по щели снизу.

Первым делом я забралась поглубже, подальше от сквозняка. Нога наткнулась на край деревянного настила, и я на ощупь добралась до высокого, плотно уложенного стога. Там ока-

залось достаточно сухо, чтобы стянуть мокрый башмак и подложить под ступню пригоршню сена.

Когда я развязала платок, Мэйзи вскинулась у меня на руках, раскрыла рот, и мне почудилось, что сейчас её будет слышно даже в доме. Я успела прижать её к себе и подоткнуть край платка ей под спину, пока она устраивалась поудобнее. Дочь ухватила меня за мизинец и сжала с таким упорством, будто это я могла выскользнуть из её рук.

— Мы здесь только до утра, — шепнула я ей. — Потом спросим у кого-нибудь, где северная дорога, и пойдём к тёте Кларе. Ты можешь вообще ничего у неё не спрашивать, она сама расскажет тебе всё, включая то, зачем оставила кошке целое кресло.

Я хотела проверить, сколько молока осталось, но для этого пришлось бы высвободить руку из-под дочери. Она наконец перестала сопеть, как после долгого плача, и у меня хватило сил лишь на то, чтобы отгрести сено от её лица. На рассвете я собиралась уйти раньше, чем хозяева придут за кормом, и даже выбрала глазами щель, по которой увижу первый свет. Последнее, что я услышала, было ровное поскрипывание двери, которую ветер понемногу прижимал к косяку.

Разбудили меня голоса. Один спрашивал, кто оставил тележку у колодца, другой отвечал, что тот самый человек, который теперь стоит босиком и ищет сапоги. Я ещё не успела вспомнить, где нахожусь, а уже сунула ноги в башмаки и потянулась за платком.

В щель над дверью пробивался дневной свет, и в нём кружилась труха. Мэйзи приподняла голову, сморщилась и тихо всхлипнула, как всегда перед тем, как заплакать в полную силу. Я сунула руку в карман и нащупала хлеб, обломившийся на два куска.

Второй карман был пуст. Я проверила первый ещё раз, потом ощупала сено под собой и вспомнила глухой стук в лесу, когда ветка подхватила платок. В темноте я слышала, как бутылочка ударилась о землю, и пошла дальше, а теперь у Мэйзи дрожал подбородок, и она беспомощно тыкалась мне в платье.

— Вот досада, — сказала я, стараясь говорить так, словно потеряла иголку и сейчас преспокойно найду другую. — Я даже знаю, где она лежит, если считать за место весь лес. Подожди одну минутку, родная, я что-нибудь придумаю.

Она заплакала, прежде чем я договорила. Снаружи умолкли голоса, и подошвы тяжёлых сапог прошуршали по земле у входа. Я встала, прижала Мэйзи к груди и шагнула назад, пока не упёрлась пяткой в деревянный настил.

В амбар вошёл широкоплечий мужчина с косой в руках. Он держал её поперёк, чтобы лезвие не задело косяк, и остановился, увидев нас. Я успела рассмотреть длинный порез на рукаве его куртки и подумала, что через узкое окно за моей спиной мне с Мэйзи всё равно не пролезть.

— Я ничего не взяла, — сказала я. — Ночью стучала в дом, мне никто не открыл, и я решила, что здесь пусто. Мы переждали холод, а теперь уйдём, только дайте мне завязать платок.

Мужчина смотрел на меня круглыми от удивления глазами. Потом покосился на своё лезвие, шагнул в сторону и осторожно прислонил косу к стене. Она сползла по доскам, и он придержал её носком сапога, пока не нашёл для древка выемку между брёвнами.

— Теперь можно и поговорить, — произнёс он, поворачиваясь ко мне пустыми руками. — Я Роуэн Хейл, здешнее хозяйство на мне. На сеновале у нас давно никто не ночевал, если не считать кота, но тот, по правде говоря, считает, что это мы живём у него.

Мэйзи на секунду затихла от непривычного голоса, потом снова всхлипнула и ухватилась за мой воротник. Я спросила, далеко ли отсюда северный тракт, и Роуэн показал рукой в сторону, откуда мы пришли ночью. По его словам, дорога туда была одна, и спуск к тракту по разбитой колее занимал почти час, даже если идти без ребёнка.

— А что ей нужно сейчас? — спросил он, глядя, как я пытаюсь высвободить ткань из кулака Мэйзи. — Ударилась или голодная? С виду, знаете, с ними иногда всё сразу.

— Голодная, — ответила я и наконец перестала шарить рукой по пустому карману. — У меня была бутылочка, я её обронила. Можно у вас попросить немного молока, хоть полчашки, если найдётся?

— На кухне как раз вскипятили молоко с вечерней дойки, — сказал он. — Бриджит сначала посетует, что ей велели вскипятить слишком много, а потом при вас поставит греться ещё один горшок. Пойдёмте в дом, я позову хозяина, он у нас давно гостей не видел.

Я посмотрела на дверь. От неё до двора было три шага, а во дворе уже гремели вёдра, кто-то возился с колодезной цепью, и мир, который ночью показался мне вымершим, вставал и принимался за работу. До развилки я могла добежать, пока этот человек объяснял бы хозяину, кого нашёл, но потом пришлось бы идти час до тракта и неизвестно сколько дальше с голодной дочерью.

— Мы с вами войдём и сперва попросим молока? — спросила я. — Если хозяин захочет узнать, почему я здесь, я сама ему расскажу. Только мне нужно сначала накормить её, иначе я всё равно половины его вопросов не услышу.

— Слышать его вы будете, он умеет подождать, пока на него посмотрят, — ответил Роуэн, и в уголках его глаз появились морщинки. — Гостей здесь обычно принимают с парадного входа, хотя у нас гости, сказать по совести, обычно приезжают в каретах. А до кухни я вас доведу, даже если его светлость ещё только ищет второй сапог.

Он вышел первым и придержал дверь, пока я поправляла платок. На пороге Мэйзи зажмурилась от света, всхлипнула и уткнулась мне в грудь, а я подставила ладонь под её босую пятку, выглянувшую из шерсти. Роуэн уже поднимался по широким ступеням к парадному входу, и я пошла за ним, повторяя дочери, что молоко близко, чтобы и самой не повернуть обратно.

Глава 2

Роуэн толкнул парадную дверь плечом и придержал её для меня. На светлом камне от моих башмаков остались два чёрных следа, и я замерла на ковре, прикидывая, как бы вытереть подошвы, не выпуская Мэйзи. Роуэн проследил за моим взглядом и переставил подставку для зонтов так, чтобы с его сапог вода стекала прямо в медный поддон.

— В следующий раз принесу сюда половик с заднего крыльца, — сказал он. — А пока ступайте к огню, там пол такой тёмный, что грязь видна только тому, кто её ищет. Я поднимусь за хозяином и сразу вернусь.

Он оставил нас в гостиной, где в камине уже горели два свежих полена. Я подошла к огню боком, подставляя ему то один мокрый чулок, то другой, и размяла пальцы дочери, холодные после амбара. Мэйзи сердито втянула воздух, поймала мой большой палец обеими руками и потянула его ко рту.

Над камином висела картина с видом на дом со стороны ущелья. Я узнала два каменных столба у дороги и сад, который ночью казался сплошной массой голых веток. На картине рядом с домом цвели белые деревья, а у самой кромки обрыва стояла низкая башенка с широким стеклянным окном.

Я отвела глаза от картины и попыталась придумать, что скажу хозяину, когда он спросит мою фамилию. Имя Уитмор осталось у меня от отца и ни разу после свадьбы не понадобилось даже для подписи. Если его спросят, в каком доме я служила, я смогу назвать наш старый постоялый двор, а вот рассказать, зачем я шла ночью по лесу, будет труднее.

В коридоре послышались два голоса, и я отступила от огня, чтобы не встречать хозяина спиной. Первым вошёл Роуэн, за ним появился мужчина в тёмном сюртуке, высокий настолько, что я невольно прикинула, приходится ли ему нагибаться в дверях амбара. Тёмные волосы касались плеч, один рукав был расстёгнут у запястья, и, прежде чем заговорить, он машинально подвернул манжету.

— Нашёл их на сене, милорд, — сказал Роуэн, остановившись у двери. — Ночью они стучали с кухни, а там, должно быть, все уже разошлись. Я подумал, вы захотите знать, кто у нас ночевал.

— Да, и спасибо, что привёл их сам, — ответил хозяин. Он посмотрел на меня, и я обнаружила, что всё ещё держу подбородок так высоко, как при встрече со знакомыми Дамиана, хотя на моём плече торчала соломинка. Пока я думала, можно ли убрать её при нём, Мэйзи вцепилась в мой палец и с таким отчаянием принялась его сосать, что я услышала каждый глоток воздуха.

Хозяин опустил взгляд на её щёку, расплющенную о мою ладонь. Он чуть наклонился, и на его лице я увидела ту сосредоточенность, с какой люди обычно смотрят на часы, когда ждут кого-то на дороге. Мэйзи разжала рот и заплакала, а мужчина тут же повернулся к Роуэну.

— Бриджит уже на кухне? — спросил он и, получив кивок, сам открыл дверь. — Тогда я их отведу, а ты займись утренними делами. И передай, пожалуйста, чтобы к амбару отнесли сухую охапку сена, раз на той ночевали.

Я попыталась объяснить, что сено мы почти не примяли и что я могу убрать за собой, если мне дадут вилы. Он задержал дверь, пока я говорила, и перевёл взгляд на Мэйзи, которая дёргала меня за ворот. Тут я наконец сообразила, что он ждёт, когда я пройду.

— Если вам непременно хочется взяться за вилы, Роуэн найдёт вам сухое сено и завтра, — сказал хозяин. — Сегодня девочка, кажется, придумала для вас другое занятие. Кухня близко, идёмте, пока Бриджит не решила, что молоко нужно целиком пустить на завтрак.

Он пошёл по коридору, соразмеряя шаг с моим, и свернул там, где пахло горячим хлебом. Мэйзи затихла, то ли устав плакать, то ли тоже почувствовав запах, и повернула голову на

голоса за дверью. Хозяин открыл её, отступил, пропуская меня, и позвал Бриджит так, как зовут человека, у которого руки наверняка заняты.

Рыжеволосая девушка у плиты снимала крышку с кастрюли. Она поставила крышку на ребро, обожгла пальцы и прижала их к переднику, прежде чем обернуться. Потом увидела над моим локтем лицо Мэйзи, и недовольство, с которым она приготовилась кого-то отчитать, тут же сошло с её лица.

— Бриджит, накорми, пожалуйста, обеих, — сказал хозяин. — Девочке, кажется, нужно молоко, и оно нужно уже сейчас. Когда вы поедите, поднимитесь ко мне в кабинет на втором этаже, я оставлю дверь приоткрытой.

Последние слова он сказал мне и дождался, пока я кивну. За дверью послышались его шаги на лестнице, а Бриджит стянула с крючка полотенце и разложила его у края стола. Я подумала, что она хочет, чтобы я положила Мэйзи на полотенце, но кухарка пододвинула мне табурет и взяла с полки глиняную чашку.

— Садитесь сюда, тогда можно будет опереться локтем, — сказала она. — У моей сестры дети всегда хватались за чашку, пока я держала её на весу, и мы все оказывались в молоке. Дайте-ка я сначала попробую, остыло ли.

Она плеснула немного молока себе на запястье, затем передала чашку мне, а полотенце подложила Мэйзи под подбородок. Я развязала платок и усадила дочь к себе на колени так, чтобы видеть её лицо. Мэйзи широко открыла рот, стукнулась десной о край чашки и возмутилась, как будто чашка нарочно ударила её первой.

— Вот так, чуть наклоните, а теперь подождите, пока она проглотит, — подсказала Бриджит и накрыла ладонью пальцы Мэйзи, уже тянувшиеся к глиняной ручке. — Ах ты какая хорошенькая, даже когда сердитая. У тебя ведь, наверное, дома была посуда поудобнее?

Мэйзи ответила коротким звуком, который можно было принять за согласие, если никогда прежде её не слышать. Я понемногу наклоняла чашку, пока она не приноровилась втягивать молоко с края и не перестала захлёбываться собственным нетерпением. Бриджит держала полотенце под её подбородком, и, когда на ткани расплылось белое пятно, просто подвернула мокрый угол.

Я рассказала, что потеряла бутылочку в лесу, потому что мне показалось невежливым ничего не объяснять. Бриджит спросила, умеет ли Мэйзи пить с ложки и как давно проснулась. Получив ответы, она достала другую чашку и налила туда молока на случай, если дочь попросит ещё.

— Теперь вам, — сказала она, поставив на стол миску густой каши с луком и ломоть хлеба. — Хлеб ещё тёплый, так что корку можете оставить мне, я люблю её макать в масло. А маленькую госпожу могу взять, если вам удобнее есть двумя руками.

Я прижала Мэйзи ближе прежде, чем успела подумать. Бриджит заметила это, повернулась к плите и отодвинула кастрюлю от сильного огня. За это короткое время я успела взглянуть на свою миску, попробовать удержать ложку той же рукой, которой придерживала дочь, и понять, что сейчас уроню её нам обеим на колени.

— Возьмите, пожалуйста, только она любит, когда её держат повыше, — сказала я, вставая. — Если посадить на сгиб локтя, она начинает искать, за что подтянуться. А волосы у вас прямо перед ней, так что их я бы всё-таки убрала.

Бриджит сунула рыжую косу за ворот, приняла Мэйзи и устроила её у себя на плече. Мэйзи с интересом осмотрела кухарку, ухватилась за лямку её передника и потянула. Бриджит, не переставая покачиваться, сообщила ей, что пуговицу она может получить только вместе с передником, а до передника ей придётся вырасти хотя бы на два локтя.

Первую ложку я проглотила почти не жуя и обожгла язык. Со второй стало понятно, что в каше есть масло и мелко нарезанный печёный лук, а от хлеба ещё пахло жаром печи. Пока

я ела, Бриджит рассказывала Мэйзи, кого из домашних легче всего уговорить дать ещё кусок хлеба, и прислушивалась к её сонному бормотанию, будто получала в ответ дельные замечания.

Когда миска опустела, на лестнице кто-то прошёл и остановился этажом выше. Я вспомнила про кабинет, вытерла руки и заметила, что на Мэйзи опять видна голая пятка. Бриджит подоткнула ей под ноги сухой край платка и предложила подержать её, пока я разговариваю с хозяином.

— Я оставлю дверь вот так, чтобы было слышно с лестницы, — сказала я и потянула створку к себе. Бриджит наклонила голову и показала мне спящую дочь, у которой рот всё ещё иногда шевелился, как над чашкой. Я поднялась на второй этаж, задержавшись на площадке ровно настолько, чтобы убедиться, что снизу слышу даже звон ложки о миску.

В конце коридора одна дверь стояла приоткрытой. Я постучала костяшками и вошла, услышав приглашение, а хозяин отложил перо и показал мне на небольшой диван возле окна. Сад отсюда был виден целиком, но я села с краю, откуда могла смотреть в сторону лестницы.

— Мы с вами толком не познакомились, — сказал он. — Адриан Торнфилд, это мой дом, Редклифф. Позволите узнать, как обращаться к вам и вашей дочери?

— Эвелин Уитмор, — ответила я. Девичья фамилия прозвучала с такой лёгкостью, словно я вчера закрыла счёт на постоялом дворе и сегодня снова села за ту же книгу. — А дочь зовут Мэйзи, ей десять месяцев.

Адриан повторил её имя, кажется, чтобы запомнить, и повернул к себе чернильницу, стоявшую на самом краю стола. Потом спросил, почему мы оказались ночью так далеко от города и следует ли ему ждать, что кто-нибудь приедет за нами. Я посмотрела на его руку и подумала, что человек, который может приказать отнести сено в амбар, точно так же может приказать оседлать лошадь и послать за Дамианом.

— Я ушла от мужа, — сказала я. — Он меня бил, и я увела дочь с собой. Если он пришлёт людей, они будут говорить, что я сама не знаю, что делаю.

Кулак Адриана ударил по столу, и перо подпрыгнуло в ложбинке. Я вскинула плечо, прикрыв щёку прежде, чем разглядела, что он даже не встал. Он успел сказать, что с такими людьми стоило бы поговорить их же языком, и оборвал себя, увидев, как я сижу.

— Простите, что напугал вас, — произнёс он уже тише. Он разжал руку и положил её на стол ладонью вверх. — Мне приходилось просить помощи у столичной стражи, и я знаю, как охотно там ждут, пока человек сам перестанет к ним ходить.

Я опустила плечо и провела ладонью по рукаву, будто могла этим движением разгладить и кожу под ним. Из кухни донёсся скрип передвинутого табурета, а затем Бриджит что-то негромко пропела. Я выдохнула и спросила, есть ли дорога на север, по которой можно миновать городские заставы.

— До Бреймора, — уточнила я, когда он достал из-под бумаг карту. — Там живёт моя сестра и держит постоялый двор. Если я доберусь до неё, ей даже не придётся искать мне работу, я сама знаю, чем могу помочь.

Он развернул карту и повёл пальцем от Редклиффа к северному тракту. По его словам, торговцы шли в Бреймор каждые две недели, и некоторые брали попутчиков в крытые повозки. Пешком с Мэйзи мне пришлось бы провести несколько ночей у дороги, где и сейчас до утра промерзали лужи.

— Сколько попросят за место? — спросила я, прежде чем вспомнила, что спрашивать мне, собственно, не с чем. — У меня при себе один кусок хлеба, и тот сломался в кармане. Если торговцы принимают плату трудом, могу готовить им по дороге.

— Можете сперва готовить здесь, — предложил Адриан. — Бриджит осталась одна после того, как её помощница уехала к матери, и уже дважды грозила подавать мне на ужин сырую репу. Я бы предпочёл, чтобы она успевала её сварить, а вы за это время накопили бы на обоз.

Я ожидала предложения переночевать или взять деньги в долг, и оттого не сразу поняла, что мне предлагают обычное жалованье. До свадьбы я сама считала плату кухонным работникам, но в доме Дамиана, стоило мне спросить о расходах, управляющий шёл за разрешением к нему. Я выпрямилась на диване и попросила Адриана назвать сумму прежде, чем я отвечу.

Он назвал четыре серебряных в неделю, комнату и питание. Через два месяца, когда ночи станут теплее, я смогу заплатить за повозку и сохранить деньги на первые дни у Клары. Я подсчитала, что останется после дороги, и спросила, будет ли записан день окончания работы, чтобы мы оба заранее знали, когда мне собирать вещи.

— Запишу плату и срок, — сказал он, пододвигая к себе чистый лист. — А первый день поставим завтрашний, потому что на сегодня у Бриджит уже есть кому мыть посуду. Как вы думаете, сможете начать после того, как она покажет вам, где у неё что лежит?

— Смогу, если Мэйзи разрешат быть поблизости, — ответила я. — Когда она спит, мне хватает и часа, чтобы сделать за двоих, а когда просыпается, я не могу оставить её одну надолго. Если это устраивает Бриджит, то меня устраивает всё остальное.

Адриан записал и это, затем развернул лист ко мне. Я прочла его до конца, поставила подпись «Эвелин Уитмор» и увидела, как чернила расплылись на последней букве, потому что я слишком крепко прижала перо. Внизу хлопнула дверца печи, и я впервые с начала разговора осталась сидеть, дослушивая, как он объясняет, где находится комната, в которой мы проведём эту ночь.

В западное крыло вёл короткий коридор от кухни, и я успела дважды пробежать по нему, пока искала дверь, которую описал Адриан. Оказалось, что он имел в виду комнату за поворотом, а я всё время смотрела прямо перед собой. Когда я вернулась за Мэйзи, Бриджит отдала мне её вместе с платком и посоветовала сначала распахнуть ставню, потому что в комнате давно никто не жил.

Ставню я открыла одним пальцем, придерживая дочь на сгибе руки. Свет лёг на маленькую кровать с серым покрывалом, умывальник и узкую полку, куда можно было поставить чашку, не опасаясь, что её столкнут с края. У стены стояла чугунная печка, в которой уже горели дрова, и от её тепла на моих чулках наконец начали оттаивать пятки.

— Вот здесь и будем, — сказала я Мэйзи, хотя она с куда большим вниманием рассматривала шнурок от ставни. — На двоих места хватит, если ты согласишься, что этот шнурок останется у окна. Завтра, пока ты спишь, я попробую выстирать твой платок.

Я дошла до двери и потрогала задвижку. Она ходила туго, зато была с моей стороны, и ни один винт под пальцами не шатался. Я как раз пробовала отвести её до конца, когда из коридора донёсся знакомый голос.

— Подвиньтесь, пожалуйста, если вы рядом с дверью, — попросил Роуэн. — Я принёс кроватку, и у неё одна ножка так и норовит за что-нибудь зацепиться. Если сами откроете, я сумею войти, пока она не оторвала мне пуговицу.

Он втащил кроватку боком, задел косяк всё той же ножкой и поставил её у кровати. На дне лежали сложенное одеяло и тонкий тюфячок в чистом чехле. Когда Роуэн отошёл, я качнула рукой деревянный бортик, и из-под короткой ножки вылетела подложенная щепка.

— Она вся так ходит или только здесь пол кривой? — спросила я. Мэйзи потянулась к бортику, а я отнесла её к кровати и усадила посередине, подперев одеялом. — Простите, что спрашиваю, просто она уже умеет подтягиваться и схватится за него, как только проснётся.

Роуэн присел, взял щепку и повертел её в руке. Потом надавил на угол кроватки и показал мне, где разошёлся деревянный стык. Он ушёл за инструментом и вернулся с молотком, свёртком клинышков и таким видом, словно лично собирал эту кроватку и теперь сердился на себя за работу.

— Я думал, на ровном полу она устоит, — признался он. — Видимо, у нас в доме никогда не было ровного пола. Подержите вот тут, если можете, а я вобью клин в паз и тогда уж посмотрим, кто из нас упрямее.

Мэйзи повернулась на живот и захлопала ладонями по покрывалу, пока мы возились с ножкой. Роуэн выстругал клин чуть тоньше, забил его и с силой потряс кроватку за бортик. Она осталась на месте, и тогда он отдал мне щепку, сказав, что теперь её можно пустить на растопку.

Уходя, он выложил на полку ключ. Я спросила, когда его нужно возвращать, потому что в столичном доме ключи от спален слуг хранились у управляющего. Роуэн, уже собравший инструменты, вернулся к двери и показал, как при повороте чуть приподнимать ручку, чтобы замок не заедал.

— Заберу, когда соберётесь уезжать, — сказал он. — Если вам понадобится вода, постучите Бриджит или возьмите кувшин у кухни. А если к вам постучат, можете сперва спросить, кто пришёл, за дверью прекрасно слышно.

Весь остаток дня ушёл на то, чтобы вымыть Мэйзи, высушить чулки и перестать вскакивать при каждом шаге в коридоре. После ужина я уложила дочь в кроватку и постояла рядом, пока она не отпустила мой палец, а потом заперла дверь изнутри. Ключ я оставила в замке и легла поверх покрывала, откуда видела его в свете печки. К утру я так и не узнала, кто последним прошёл мимо нашей комнаты, потому что впервые за долгое время услышала шаги и уснула, пока они ещё звучали.

Кухню я нашла до того, как Роуэн вышел во двор, хотя Мэйзи пришлось уговаривать проснуться. Она отталкивала ногами одеяло и зевала всякий раз, когда я пыталась продеть её руку в рукав. В конце концов я принесла её завёрнутой в платок, и Бриджит отвела нам угол между столом и стеной, подальше от печи и от тех, кто ходил за водой.

— Час она может посидеть со мной, пока я перебираю крупу, — сказала Бриджит и постелила на полу сложенное покрывало. — Потом мне понадобятся обе руки, и мы поменяемся. А прежде пойдём покажу кладовую, иначе вы будете искать соль там, где у нас мышеловки.

В кладовой пахло яблоками, сухим укропом и мукой. Бриджит показала мне ларь с крупой, мешки с овощами и полку, где хранила пряности подальше от сырости. На маленькой доске висели бумажки с пометками о том, что уходит со склада, и одну Бриджит сняла, обнаружив, что записала на ней полмешка муки дважды.

— Сегодня на завтрак яйца, хлеб и вчерашний сыр, — сказала она. — Яйца возьмите на себя, а я поставлю чай и поджарю хлеб. На обед нам принесли говядину, так что после завтрака я покажу, где точить ножи, если захотите сохранить к вечеру все пальцы.

Я поставила яйца вариться и успела разложить хлеб по тарелкам прежде, чем Бриджит отыскала чайник, который сама же оставила на подоконнике. Она попробовала отослать меня к Мэйзи, пока на кухне было тихо, но та уже доползла до ножки стола и сосредоточенно пыталась снять с неё деревянное кольцо. Когда слуга пришёл за завтраком, Бриджит поставила чайник на поднос, и мы обе одновременно схватились за блюдце, которое он чуть не снёс локтем.

— Вот, — сказала Бриджит, когда дверь за ним закрылась. — Обычно я одной рукой держу блюдце, а другой спасаю чайник. Теперь у меня, кажется, появится время выпить собственный чай, пока он ещё горячий.

После завтрака она села возле Мэйзи с миской крупы, а я принялась чистить морковь и репу. Мэйзи досталась деревянная ложка, и она колотила ею по половице с таким довольным видом, что Бриджит подстроила под стук песенку. Когда морковь была нарезана, я взялась за говядину и отложила в отдельную миску кости и то, что сняла с краёв.

— Если поставить сейчас большую кастрюлю, бульона хватит и на завтра, — сказала я. — Сегодня на нём можно сварить суп, а завтра добавить к крупе. Обрезки я бы мелко порубила

и положила в кашу тем, кто работает во дворе, если они у вас не привыкли обедать чем-нибудь получше.

— Скажете это Роуэну, он вам выдаст собственную ложку и будет ждать обеда с самого утра, — ответила Бриджит. — Он уверяет, что сыт одной коркой, пока не увидит чужую тарелку. Варите бульон, а я запишу, сколько мяса на него ушло.

К обеду на кухне запотели окна, а по столу перестали бегать холодные полоски света. Я отлила завтрашний бульон в кувшин, чтобы Бриджит отнесла его в холодный погреб, и уложила Мэйзи на дневной сон. Вернувшись, я свела расход за день и переписала его на чистый лист, потому что на доске уже кончилось место для бумажек.

Роуэна я застала у задней двери, где он разбирал связку садовых ключей. Он прочёл счёт от начала до конца, спросил, правда ли, что завтра кости уже не понадобятся, и положил лист в карман. Пока он возился с ключами, я впервые увидела сад с этого крыльца и узнала стену, нарисованную на картине над камином.

— Туда можно ходить? — спросила я и показала на дорожку, которая начиналась сразу за кухней. Между ветками за ней виднелось бледное небо, а в глубине кто-то расставил у деревьев подпорки, готовясь к весне. — Я бы как-нибудь вышла после смены, если оттуда недалеко возвращаться.

— Ходите, когда закончите, только у обрыва держитесь дорожки, — сказал Роуэн. — По сырой траве там ноги разъезжаются даже у меня. А калитку я оставляю открытой до позднего вечера, милорд сам любит пройтись после ужина.

Из кухни донёсся голос Бриджит, и я сунула руки в передник, чтобы согреть их по дороге обратно. Весь этот день я знала, сколько ещё дел мне предстоит до вечера, и ни разу не спросила себя, куда побегу с Мэйзи, если за мной придут. Прежде чем закрыть дверь, я ещё раз посмотрела на дорожку и подумала, что завтра, если мы закончим пораньше, я могла бы пройти по ней хотя бы до первого дерева.

Глава 3

До первого дерева я добралась на шестой вечер. В предыдущие дни то хлеб подходил слишком медленно, то Мэйзи просыпалась, стоило мне снять передник, а однажды я дошла до двери и вернулась, потому что не могла вспомнить, зачем взялась за ручку. На шестой вечер Бриджит сама подала мне шаль и села возле детской кроватки со штопкой на коленях.

— Идите уж, пока светло, — сказала она, подцепив иглой петлю на чулке. — Если проснётся, я сперва попробую уложить её сама, а если поднимет крик, крикну в ответ и вы услышите. У нас с ней голоса примерно одной силы, только я могу дольше тянуть.

Мэйзи спала, подсунув кулак под щёку. Я едва не поправила ей одеяло, но вовремя убрала руку и оставила Бриджит лампу, чтобы той не пришлось штопать в полутьме. Снаружи я постояла у кухонной двери, привыкая к тому, что могу сделать несколько шагов и за мной никто не последует.

Первое дерево оказалось грушей с растрескавшимся стволом. Дальше дорожка раздваивалась, и я пошла вдоль стены, пока из-за её низкой части не показалось ущелье. Сумерки уже скопились внизу, а над противоположным склоном стояла такая ясная луна, что я различала каждый зубец далёкой каменной гряды.

— Там ступенька, — произнёс кто-то справа. Я остановилась как вкопанная и только тогда увидела Адриана на скамейке между двумя старыми тисами. Он придерживал на колене чайник, а рядом на доске оставил место, достаточное для человека в широкой юбке.

— Простите, я думала, здесь никого нет, — сказала я, уже отступая. Адриан приподнял чайник и показал на две кружки, надетые одна на другую. — Останьтесь, если гуляете без дела, — предложил он. — Я взял вторую для Роуэна, но тот сегодня отказался выйти на улицу даже ради спора со мной.

Я села на край скамейки, оставив между нами кружку, которую он только что наполнил. От чая пахло сушёной грушей, и на поверхности плавал крошечный лист. Адриан подождал, пока я сниму его пальцами, и взял свою кружку, словно мы каждый вечер пили здесь вдвоём и торопиться было некуда.

Некоторое время он смотрел вверх, а я в ущелье. Так и сидели, пока над склоном не высыпали звёзды и Адриан не показал мне три яркие точки, стоявшие почти в ряд над голой веткой. Я знала их под названием Три Пряхи, а он сказал, что Роуэн называет их Гвоздями и всякий раз показывает на четвёртую, которую никто больше не видит.

— У нас на постоялом дворе судили по луне, когда ждать дождя, — сказала я. — Если вокруг неё поднимался белый круг, отец велел с вечера заносить дрова. Я однажды объявила такой круг при ясном небе, чтобы сестре пришлось оставить меня в доме и самой идти за поленьями.

Адриан спросил, что сказала сестра, когда дождь не пошёл, и я заметила, что он улыбается в кружку. — Что теперь я могу спокойно вынести дрова обратно, — ответила я. — С тех пор, когда вижу круг, у меня первой начинает болеть поясница.

Адриан рассмеялся, и я вдруг поняла, что ни разу прежде не слышала его смеха. В кабинете мне запомнилась рука, ударившая по столу, а на кухне я видела его лишь изредка и всегда издали. Теперь, когда он смеялся, у него под левым глазом собиралась тонкая складка, и я смотрела на неё на мгновение дольше, чем собиралась.

Ветер пришёл снизу, перекинул через стену горсть сухих листьев и забрался под шаль. Я подалась вперёд, чтобы поймать её конец, и пролила чай себе на запястье. Адриан поставил свою кружку, снял кафтан и подождал, пока я выпрямлюсь, прежде чем набросить его мне на плечи.

Я вцепилась в отвороты. Тяжёлое сукно оказалось таким горячим, словно кафтан только что принесли от печи, хотя мы сидели на ветру и холод успел пробраться даже сквозь мою шерстяную шаль. Я подняла глаза на Адриана, а он уже собирал кружки и щурился от ветра, который бросал ему волосы в лицо.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказал он. — Провожу вас до кухни, у груши корень вышел из земли и в темноте его легко пропустить. Кафтан оставьте себе до утра, иначе мы так и простоим здесь, передавая его друг другу.

По дороге он держал ветки, когда я проходила, и нёс чайник за деревянную ручку. У кухонной двери я пожелала ему доброй ночи и запоздало заметила, что всё ещё держу кафтан обеими руками, будто у меня собираются его отнять. В комнате я первым делом проверила Мэйзи, а потом сложила кафтан на стуле и уже в постели поймала себя на том, что вспоминаю смех Адриана и жду, когда за дверью стихнут его шаги.

Утром я отнесла кафтан на кухню, думая, что передам его со слугой вместе с завтраком. Бриджит уже убрала яйца обратно в корзину и сказала, что хозяин уехал в столицу затемно, на совет лордов. Меня удивило, что он не обмолвился об этом в саду, а потом я подумала, что ему пришлось бы изрядно постараться, чтобы вставить разговор о совете между луной и дровами моей сестры.

— До ужина управлюсь одна, — сказала Бриджит, оглядев корзину, словно та могла с ней поспорить. — Если хотите погулять с Мэйзи, сейчас самое время, солнце уже добралось до стены. К вечеру я попрошу вас нарезать лук, потому что вчера от него проплакала весь обед, а Роуэн решил, что меня обидели, и явился выяснять кто.

Я убрала кафтан в комнату, взяла Мэйзи и вышла через кухню. Дочь уцепилась за платок и при каждом шаге пыталась высунуться из него чуть дальше, чтобы разглядеть, куда я иду. За грушей я свернула к тисам и увидела, что днём наша скамейка стоит прямо посреди сада и её прекрасно видно из окон второго этажа.

На сухом участке у стены я расстелила старое одеяло и усадила на него Мэйзи. Она несколько мгновений изучала лист, который я положила перед ней, потом смяла его в ладони и поползла к низкому каменному бортику. Я придвинулась, собираясь подхватить её, если нога соскользнёт, и только тут заметила, что за бортиком стоит жаровня.

Её давно выгребли бы, если бы готовили над ней еду, но здесь пепел остался лежать серой коркой. Мэйзи ухватилась за камень, подтянулась на коленях и с шумом выдохнула от натуги. Прямо перед ней в пепле проступила тонкая белая прожилка, и уголь, который я приняла за холодный, вдруг засветился весь, до самого края.

Я подхватила дочь так быстро, что она не успела разжать пальцы и соскребла с камня ногтем кусочек мха. Уголь потемнел, пока я отступала к одеялу, и в жаровне снова остался один пепел. На ладони Мэйзи лежал мох, холодный и сырой, и она всё пыталась показать его мне, пока я ощупывала её руки и рукава.

— Давай домой, — сказала я, заворачивая одеяло кое-как, вместе с землёй и сухими листьями. — Твой мох пойдёт с нами, если очень хочется, только выпусти его изо рта. Вот так, а теперь дай мне посмотреть на пальцы ещё раз.

По дороге к кухне Мэйзи закашлялась, коротко, два раза, и я запахнула на ней платок плотнее. У двери оглянулась на сад, где ничего уже нельзя было разглядеть за тисами. Наверное, ветер разгрёб пепел именно в ту минуту, когда она подтянулась, и всё же мне хотелось знать, кто пользовался жаровней и как давно её оставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.